

*Инна
Баринская*

Читайте романы Инны Бачинской в серии

Детектив сильных страстей

Две половинки райского яблока
Мужчины любят грешниц
Любимая игрушка Создателя
Небьющееся сердце

Сериал «Детективный триумвират»

Лучшие уходят первыми
Убийца манекенов
Бородавки святого Джона
Шаги по воде
Лев с ножом в сердце
Свой ключ от чужой двери
Вторая невеста
Девушка сбитого летчика
Ищи, кому выгодно
Потрявоженный демон
Стеклянные куклы
Пепел сердца
Ночь сурка
Отражение бабочки
Среди восковых фигур

Сериал «Дикие лебеди»

Магия имени
Голос ангельских труб
Танец на тлеющих углях
Поджигательница звезд
Ритуал прощения врага
Знак с той стороны
Браслет с Буддой
Игла в сердце

Сериал «Королевская охота»

Японский парфюмер
Два путника в ночи
Дом с химерами
Темный ангел одиночества

Сериал «Бюро случайных находок»

Ошибка бога времени
Маятник судьбы
Конец земной истории
Тринадцать ведьм
Мадам Осень
Яд персидской сирени
Девушка с синей луны
Без прощального письма
Плод чужого воображения

*Инна
Баринская*

Среди
ВОСКОВЫХ
фигур

Москва
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б32

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Разработка серийного оформления *А. Саукова*

Иллюстрация на обложке *Филиппа Барбышева*

Редактор серии *А. Антонова*

Бачинская, Инна Юрьевна.

Б32 Среди восковых фигур : [роман] / Инна Бачинская. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с.

ISBN 978-5-04-113831-8

Никто не верил бизнесмену Михаилу Кротову. Он заявил, что исчезла его девушка, но создавалось впечатление, что ее никогда и не было — никто не видел их вместе, не осталось даже следов ее пребывания в доме. Через некоторое время Кротов покончил с собой, наглотившись снотворного. Или это было убийство? От смерти Кротова выигрывает его давний друг и деловой партнер Бураков, но у него прочное алиби...

Преподаватель философии Федор Алексеев познакомился с загадочной девушкой Лидией и всерьез увлекся ею. Общий друг пригласил их на фотосессию в музей восковых фигур, моделью для одной из скульптур которого стал в свое время Кротов. Но свидание не состоялось...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-113831-8

© Бачинская И.Ю., 2020

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

*Живи. Не жалуйся, не числи
ни лет минувших, ни планет,
и стройные сольются мысли
в ответ единый: смерти нет.*

*Будь милосерден. Царств не требуй.
Всем благодарно дорожи.
Молись — безоблачному небу
и василькам в волнистой ржи...*

Владимир Набоков. Стихи

*Все действующие лица и события романа вымышлены, лю-
бое сходство их с реальными лицами и событиями абсолютно
случайно.*

Автор

Пролог

— Подожди! Давай поговорим! Послушай!

— Ненавижу! Пошел вон! Не трогай меня! Некрофил чертов! Надоело!

Мужчина, схватив женщину за плечи, остервенело тряс ее. Разлетевшиеся длинные белые волосы закрывали ей лицо. Она кричала и вырывалась, пытаясь достать растопыренными пальцами его лицо. Ей это удалось, и на щеке мужчины обозначилась набухающая кровью царапина. Он взревел от боли и выпустил женщину. Она метнулась прочь. Он, опомнившись, рванул за ней, схватил за подол длинного платья, дернул. Она закричала, пытаясь вырвать платье. Он перехватил ее руки одной левой, а правой наотмашь ударил по лицу. Она закричала, перестала биться и в ужасе зажмурилась; он резко отшвырнул ее от себя. Не удержавшись на ногах, она упала на пол и затихла. Он стоял, тяжело дыша, рассматривая свои руки. Перевел взгляд на нее, сказал:

— Ладно, хватит театра, вставай. Согласен, я скотина, погорячился. Но и ты... — Он потрогал царапину на щеке,

рассмотрел кровь на пальцах. Ухмыльнулся. Переход от бешенства к умиротворению был мгновенным. — Я же люблю тебя! И ты меня! Вставай!

Он смотрел на женщину на полу. Разметавшиеся длинные волосы, разорванное на груди пестрое домашнее платье, разбросанные в стороны руки. Вишневый лак на длинных ногтях. Широко открытые глаза, смотрящие в никуда. Она оставалась неподвижной.

— Вставай! У меня для тебя подарок! Ты давно хотела... Ну!

Он нагнулся, схватил ее руку и потянул. Ее тело показалось ему неестественно тяжелым. Голова женщины запрокинулась, острый подбородок уткнулся в потолок. На полу, там, где лежала ее голова, растекалась лужа крови. Оцепенев, все еще удерживая ее руку, он бессмысленно смотрел на ярко-красное пятно. Потом отпустил руку — тонко клацнули длинные красные ногти, голова с глухим стуком упала на пол. Машинально он отметил разлетевшиеся по полу кровавые брызги. Веки полуприкрыли глаза, и казалось, она смотрит издевательски... подглядывает! А губы растянулись не то в гримасе, не то в улыбке. Мужчина сглотнул, мгновенно трезвея и понимая, что произошло непоправимое, и все еще не желая верить...

* * *

...Темная неподвижная фигура на пороге спальни. Человек напряженно прислушивается к дыханию спящего. Поворачивается и, неслышно ступая, уходит. Спускается по ступенькам на первый этаж в гостиную, удобно уса-

живается на широкий мягкий диван, щелкает кнопками пульта. Плоский экран вспыхивает голубоватым светом. Человек «бегает» по каналам — живо мелькают лица людей, оскалившихся зомби, потусторонней нежити, морды животных и пришельцев из космоса, драки, убийства, реки крови, насилие, грубый секс, а в уши бьют рев, вой, скрежет, сливаясь в дикую какофонию. Он выключает телевизор, прислушивается. Поднимается с дивана, идет наверх, переступая через две-три ступени. Он полон ожидания, он чувствует, как колотится сердце, испытывает азарт, сглатывает комок в горле, сжимает кулаки так, что ногти впиваются в ладони. Застывает на пороге чужой спальни, прислушивается. Подходит к спящему, наклоняется, пытаясь уловить звук дыхания. Человек в кровати недвижим. Голова его запрокинута, руки лежат поверх одеяла. Лицо спокойно. *Тот* наклоняется ниже, потом протягивает руку и после недолгого колебания прикасается пальцами к шее спящего. И не ощущает ничего. Он распрямляется, стоит с минуту, рассматривая сереющий прямоугольник расветного окна, и выходит из спальни, не оглянувшись и не задержавшись на пороге.

Еще около часа сидит на диване, бессмысленно пялясь в пустой экран, выжидает, кусая ногти. Когда за окнами в утренних сумерках проступают ближние кусты и деревья, он поднимается и, внимательно оглядев комнату, идет в кухню, отворяет дверь на заднюю террасу и выскальзывает из дома...

Глава 1

Так не бывает!

С любимыми не расставайтесь!
Всей кровью прорастайте в них, –
И каждый раз навек прощайтесь!
И каждый раз навек прощайтесь!
Когда уходите на миг!

А. Кочетков.

Баллада о прокуренном вагоне...

– Я дома! – Он с силой захлопнул за собой дверь, отшвырнул портфель, пробежал через большой холл в гостиную. Он соскучился, он был полон нетерпения, он рвал с себя галстук. – Заяц, ты где?

Молчание было ему ответом. Гостиная оказалась пуста. Плазма во всю стену светила мертвым экраном. На ковре лежали длинные красные полосы закатного солнца. Он застыл на пороге, недоумевая. Крикнул еще раз:

– Зоя? Ты дома?

И снова тишина в ответ. Перепрыгивая через три ступеньки, он помчался на второй этаж. Вбежал в спальню. Задернутые темно-зеленые шторы, зеленоватый полумрак, аккуратно застеленная кровать. Тихо, пусто.

Он звал женщину и бегал по дому, открывая двери в ванные, комнаты для гостей, кабинет, застекленную веранду. Выхватил мобильный телефон и набрал номер.

Стоял, прислушиваясь, где зазвенит. Услышал, что номер не обслуживается. Упал на диван, бросив телефон на журнальный столик. Смотрел, ничего не видя, бессмысленно и сосредоточенно в пространство перед собой, испытывая уже не страх, а ужас. Ее украли! Выманили и увезли! Он не даром боялся...

Он вскочил и снова побежал наверх, в спальню. Распахнул дверцы ее шкафа и замер: там было пусто. Вчера здесь висели ее платья и блузки, нежные, тонкие бело-зеленые... ей нравится зеленый... все оттенки, оливковый, изумрудный, цвет травы... Он подарил ей кольцо с бриллиантом и двумя изумрудами. Теперь шкаф был пуст. Он выдвигал один за другим ящики тумбочки, где, как он знал, хранилась всякая мелочь вроде бижутерии, шариковых ручек, шоколадок, салфеток... пусто. Она любила шоколад... Ты моя шоколадная мышь, говорил он, грызешь, как мышь, и зубки у тебя тоже мелкие и острые!

На столике трюмо, где еще утром было тесно от кремов и флаконов, пусто. В ванной ни купального халата, ни зубной щетки. Ее ночная сорочка! Но под подушкой тоже пусто...

Деньги! Толстая пачка в ящике письменного стола в кабинете осталась нетронутой. Сейф надежно заперт. Он машинально взял деньги, смотрел бессмысленно, отметив, что у него дрожат руки. Открыл серебряную шкатулку с «фамильными ценностями» — золотые часы и несколько золотых безделушек Лены... Медальон с их фотографиями. Она не любила золото, но — память. Все на месте. Он бессмысленно рассматривал медальон и часы. Коробочка с кольцом — тонкий платиновый обо-

док, бриллиант и два изумруда — на месте, в ящике письменного стола. Он помнил, как протянул ей коробочку и сказал: «Подарок!» И любовался ее радостно вспыхнувшими глазами и улыбкой. Она бросилась ему на шею...

В кухне царила идеальная чистота. Утром они вместе пили кофе. Он рассказывал ей про Руслана, друга детства и делового партнера, она хохотала. Ему нравилось, как она смеется, и он старался рассмешить ее. Кофе в черных шершавых керамических чашках, на его — размашистая лакированная надпись «Bistrot cafe», на ее — «Carruccino». Руслан, Русик... занудный, мелочный, придирчивый! Трусоватый. С подозрительным взглядом и манерой грызть ноготь большого пальца на левой руке — еще со школы. Прекрасный бухгалтер: ему было легче с цифрами, чем с людьми — люди от него шарахались. Он любил рассказывать о Русике, ему нравилось, как она смеется. Они сидели напротив друг дружки, он спиной к окну, она, наоборот, лицом, и он видел ее очень белую кожу, веснушки на переносице, ярко-рыжие, вьющиеся мелкими пружинками волосы и светлые длинные зеленые глаза. Когда она смеялась, она запрокидывала голову, и он видел, как бьется синяя жилка у нее на шее. На ней было его любимое платье — длинное, зеленое, в мелкий белый цветочек. И была она босиком. Она любила бродить по дому босиком...

Она сидела у него на коленях... Какого цвета у тебя глаза, спрашивал он. Арктического льда, отвечала она. Ты не похожа на лед, говорил он. Ты теплая. Ты горячая!

*Вот ты прекрасна, подруга моя! Вот ты прекрасна! Глаза твои голуби! Скажи мне ты, кого любит душа моя?*¹

Ты еще меня не знаешь, отвечала она. Твои волосы пахнут сандалом, говорил он, зарываясь лицом в ее гриву. Да, потому что меня сделали из сандалового дерева. Как Буратино? Как Буратино. И нос у меня длинный. Не замечал! Ты вообще меня не замечаешь...

А голос! Негромкий, низкий, сипловатый... Воркующий. Скажи что-нибудь, просил он, когда они, обнявшись, лежали в постели. Скажи, что любишь... Люблю, люблю, люблю, говорила она прямо ему в ухо, это было щекотно, казалось, что в ухе сидит кто-то живой и шевелит лапками, его окатывало горячей волной, и он смеялся. Они вообще много смеялись, что на него не похоже...

Такой женщины у него никогда не было.

...Обе чашки стояли в буфете, вымытые, сухие. Клетчатое полотенце, такая же рукавица для горячего, сверкающая, чисто протертая столешница... Настя? Он выбежал из кухни, схватил с журнального столика телефон, набрал номер домработницы.

— Настя, это я! — Та забормотала что-то, но он, не слушая, закричал: — Настя, вы приходили сегодня?

— Сегодня не приходила, Михаил Андреевич. Вы же сами сказали не приходите. Еще пошутили, что даете мне отпуск, помните? А что случилось? Если надо, я мигом прибегу!

— Не нужно, извините, Настя. — Он щелкнул кнопкой, отключаясь. Откинулся на спинку дивана, закрыл глаза...

¹ Строки из «Песни песней Соломона» в пер. А. Эфроса.

Глава 2

Триумвират

Работая над решением задачи, всегда полезно знать правильный ответ.

Искусство научных исследований

Бар «Тутси»! Кто не знает бара «Тутси»? Городская достопримечательность, можно сказать, все знают. Во-первых, название. Не «Пир горой», не «Дикий Запад», не «Бирмаркет», не «Кружечка», не «Мистер Бочкин», не «Нью-ерш», не, не, не... сотни таких же безликих, неинтересных, банальных, избитых... Дальше сами. И вдруг «Тутси»! Как экзотический нездешний цветок! Каков креатив, а? А посмотришь на старого доброго Митрича, хозяина, так и не скажешь, что способен на подобный изыск. И правильно, потому что название придумала его матушка после просмотра одноименного фильма. Митрич же и понятия не имел, что такое «Тутси». Матушка просветила и потребовала. Митрич, как послушный сын, внял, хотя в голове у него крутились другие названия, очень душевные и родные, вроде «Пир души», или «Золотое дно», или «Большая бочка». А тут вдруг какое-то «Тутси». Но с матушкой не поспоришь, тем более в качестве спонсора. Скрепя сердце, стесняясь, переполненный дурными предчувствиями, Митрич взял под козырек. К его изумлению, сработало! И негромкий джаз, и девушка с романсами, и фото знаменитостей с автографами... тоже работа матушки. Как ни крути, старое поколение пока рано скидывать со счетов.

Впрочем, нет, фотки — идея Митрича, он питает слабость к знаменитостям, своим и заезжим, — в итоге все стены в картинках и автографах, прямо тебе краеведческий музей! Равно как и бутерброды с колбасой и маринованным огурчиком... в смысле, еще одно ноу-хау Митрича. Так и называются: фирменные Митрича.

Одним словом, или, как сейчас говорят: *кафоч!* — бар для среднего класса, среднего возраста, средней слегка ностальгирующей приличной интеллигенции и где-то богемы. Своего рода городская достопримечательность. И ни тебе шумных разборок, ни мордобоя, ни пьяных личностей... даже как-то непривычно и вроде чего-то не хватает, честное слово. Зато полно завсегдатаев, которые не столько завсегдатаи, сколько, можно без преувеличения сказать, семья. Взять, например, любимчика Митрича, золотое перо местного бульварного листка «Вечерняя лошадь» Лешу Добродеева, он же Лео Глюк, тиснувшего с добрый десяток хвалебных материалов про замечательный бар, обозвав его «культовым», «сакральным» и даже «вотивным»¹. Последнее пришлось смотреть в Интернете, хотя все равно не совсем понятно, что имелось в виду. Ну, да Леша Добродеев человек страстный, увлекающийся и восторженный. Или вот еще великолепная троица: философ Федор Алексеев, капитан Коля Астахов и Савелий Зотов, главный редактор отдела остросюжетной дамской литературы местного издательства «Арт нуво»! Именно здесь, в баре «Тутси», они щелкают как

¹ Вотивный — в истории религии связанный с принесением даров.